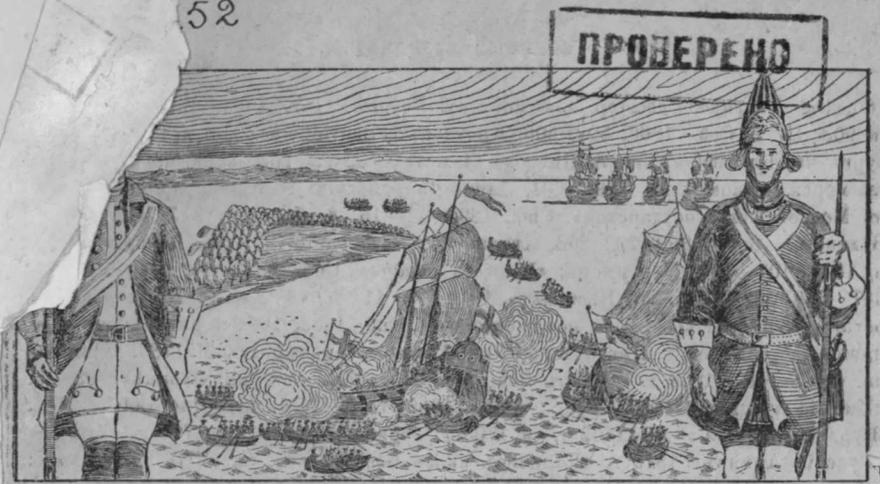

1950
152

98
950H
52

ОСУДАРЕВА ДОРОГА.

(Съ картой).

467
30.503.902

Настоящая статья, имѣющая предметомъ походъ Петра I отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру въ 1702 г., написана въ значительной части по даннымъ мѣстной архангельско-олонецкой исторической литературы. Здѣсь мы даемъ лишь общіе выводы; документальное же ихъ обоснованіе предложено въ «Олонецк. Губ. Вѣд.» 1902—1903 гг. въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, гдѣ подробно указана и литература, изъ которой назовемъ важнѣйшія работы, каковы:

«Бесѣды о сѣверѣ Россіи въ Имп. вольно-экон. общ.». Спб. 1867, 246—8.
 Брикнеръ: «Ист. Петра Вел.». Спб., 1882, ч. II, 181. Верещагинъ: «Очерки Архангельской губ.». Спб., 1849, 66. Веселаго: «Очеркъ русской морской ист.». Спб., 1875, I, 154. «Волости и важнѣйшія селенія Европ. Россіи». Вып. VI, Спб. 1885, 280, № 132. «Временникъ Ярославск. юрид. лицея» 1900 г., кн. 80—1.
 И. Гурляндъ: «Ямская гоньба въ Московск. госуд. до конца XVII ст.», гдѣ указана литература вопроса о ямахъ. «Вѣстн. Евр.» 1869, т. VI, кн. XI, 278 сл.
 С. Канивецъ: «Русск. госуд. почта». Голыковъ: «Дѣянія Петра Вел.» М. 1788, т. X, №№ 68, 69, 76, т. XI, №№ 646, 650—2, 667. «Горный Журналъ» 1826, I, 50, стр. 98. Губернскія Вѣдомости: Арханг. 1872, № 38. Огородниковъ: «Петр I и плоды пребыванія его на нашемъ сѣверѣ». Олонецк. 1875; въло кам. А. Ивановъ: «Объ устройствѣ усовершенствов. соединит. пути между Олонецкой губерніи». Дашковъ: «Опис. Олонецк. губ.». Спб., 1842;

Ист. в. 902.

166, 168. Елагинъ: «Матер. для ист. рус. флота», I т. Спб., 1865, 548—549, № 903. III т. Спб., 1866, 502, 506. Кротковъ: «Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Вел. въ 1702 г.». Изд. воен.-морск. уч. отд. гл. морск. штаба. Спб., 1896, 201. Лапко-Данилевскій: «Организ. прямого облож. въ Московскомъ государствѣ». Спб., 1890, 14—15. Л. Лебедевъ: «Жизнь Петра Великаго». Спб., 1890, 202, 203. Лѣтописецъ Соловецкій: «Архим. Досие», изд. 3, м. 1833, 101—102. Максимовъ: «Годъ на сѣверѣ». Спб., 1871, 3-е изд., 343, 345, 347—348, 332. «Мірской Вѣстникъ» 1879, IV, 41—53, А. Г.—ъ: «Осударева дорога». Неволинъ: «О пят. и пог. новгород.». Спб., 1853, 167. Новиковъ: «О выс. пришеств. вел. госуд. Петра Алекс. къ Архангельск. городу». М. 1783. «Памятн. кн. Олон. губ.» 1858 г. «Петръ Вел. и дѣятельность его на Олонцѣ». 98 сл. «Письма и бумаги Петра Вел.». Спб., 1889, т. II, №№ 434, 444—446. «Пох. Жур. Петра Вел.» на 1702 г. и 1703 г., прибавл., стр. 15; 1706 г., стр. 18. «Русскій Архивъ» 1875 г. «Канцлеръ князь Безбородко», гл. VIII. Устряловъ: «Исторія царств. Петра Вел.». Спб., 1863, т. IV, гл. VII, 193; прил. къ т. IV, №№ 20, 136, 173, 438, 439, 452. Филиповъ Ив.: «Ист. выговск. пустыни». Изд. Кожанчикова, Спб., 1862, гл. XXII. Шильдеръ, Н.: «Императоръ Александръ I», Спб., 1898; т. IV, гл. V, 155—156. Рукописное «Дѣло 1821 г. о возстановленіи дороги Осударевой»—въ Олон. губ. стат. к.—тѣ.

Указомъ 8-го іюня 1702 г., слѣдовательно, мѣсяца за два до похода, писарю Преображенскаго полка Ипату Муханову было повелѣно проѣхать «изъ Архангельска моремъ до рѣки Онеги, а сею рѣкою вверхъ, для провѣдыванія ближайшаго и способнаго водянаго и сухаго пути къ Олонцу и Новгороду». Остались ли поиски Муханова безуспѣшными, или то же самое, но въ другомъ мѣстѣ, было поручено одновременно и сержанту Преображенскаго полка Михаилу Щепотеву, который оказался счастливѣе, только дорога была ведена не Мухановымъ, а Щепотевымъ. Въ помощь ему даны крестьяне Соловецкаго монастыря, Сумскаго острова и Кемскаго городка, всѣ съ лошадьми; затѣмъ, конечно, ближайшіе къ мѣсту дороги крестьяне обширнаго выгозерскаго погоста¹⁾ Олонецкаго уѣзда и, кромѣ того, онежскіе, бѣлозерскіе и каргопольскіе, присланные по указу, слѣдовательно, соединенныя крестьянскія силы нынѣшнихъ (частей) Архангельской, Олонецкой и Новгородской губ.,—примѣнительно къ даннымъ дѣла 1821 года,—до 6,000—7,000 чел. Къ концу іюня (во всякомъ случаѣ) они находились уже въ распоряженіи Щепотева и готовились углубиться въ бѣломорско-онежскія дебри.

¹⁾ Въ составъ котораго еще въ 20-хъ годахъ XIX ст. входили деревни Пулозеро, Возмосалма, Телекина и Масельга съ прилежащими деревушками, причемъ пограничная межа въ дѣлѣ 1821 г. указана за Масельгой на 4-й верстѣ предъ Волозеромъ. Въ концѣ XVI в. (1582—3) Выгозерскій погостъ составляли волости Нюхоцкая, Унежская, Лапинская, Колежемская, Сорочкая, Вирминская, волоцкая, Кольско-Лопарская,—въ нын. Арханг. губ. Невол. «О пят. и пог. Спб., 1853, 167 и слѣд.

Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

По дѣлу 1821 г. изъ 60 вер. отъ Вардегоры до границы Олонецкой губ. болотъ приходилось около 45 вер., — три четверти всего пространства; отъ Вардегоры до Возмосалмы, на протяженіи 119 вер., предполагалось застлать мостами 66 вер., нѣсколько больше половины разстоянія; изъ 160 вер., указанныхъ въ дѣлѣ по Повѣнецкому уѣзду, топкихъ мѣстъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной части, приходилось около 50 вер., — приблизительно треть всего пространства. Вообще, по мѣрѣ удаленія отъ Бѣлаго моря, мѣстность становится суше и лѣсистѣе — несомнѣнный признакъ повышенія, которое дѣлается особенно замѣтнымъ у деревни Морской-Масельги, гдѣ, между Маткозеромъ и Узкими или Долгими озерами (въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В.), проходитъ, такъ называемый, Масельгскій переваль, образующій балтійско-бѣломорскій водораздѣлъ, съ вершиною, возвышающеюся до 28 саж. надъ уровнемъ Маткозера и 54 саж. надъ Онежскимъ озеромъ. По южную сторону водораздѣльнаго хребта мѣстность, по прежнему, лѣсистая, пересѣкаемая болотами и болотными ручьями, сразу понижается до 30 саж. надъ уровнемъ Онежскаго озера и на этой высотѣ остается до южнаго берега Узкихъ или Долгихъ озеръ, откуда терасами вновь понижается до самого Повѣнца.

Итакъ, главное и постоянное свойство разсматриваемой мѣстности, особенно въ сѣверной ея части,—болотистость и топкость¹⁾ и отсюда почти полная непроходимость. Выводъ этотъ совершенно согласуется съ тѣми скудными свѣдѣніями, которыя оставлены намъ современниками похода: «шли на Повѣнецкой погостъ лѣсами, мхами и болотами», «вся дорога была мостовая». И можно повѣрить Ѳ. А. Головину (единственный, кажется, участник похода, оставившій хотя краткое замѣчаніе о пройденныхъ отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру мѣстахъ), который подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ — спустя около мѣсяца послѣ похода, — 18-го сентября 1702 года писалъ къ кн. Долгорукову: «войска царскаго величества никакихъ праздностей сего лѣта не дѣлали, но въ непрестанныхъ истинно трудѣхъ были. Также и сами мы отъ города (Архангельска) непроходимыми мѣстами прошли и топеря обрѣтаемъ въ Ынгріи».

По такимъ-то мѣстамъ приходилось Щепотеву проводить до-

¹⁾ Утвержденіе автора «Ист. Свейской войны», будто мѣста были пустыя и вѣло каменистыя (Устрял., т. IV, стр. 455) стоитъ особо. и не заслуживаетъ довѣрія.

рогу. Отъ кого зависѣлъ выборъ распорядителя работъ, неизвѣстно, только выборъ былъ сдѣланъ чрезвычайно удачно. «Урядникъ бомбардирскій» Михаилъ Ивановичъ Щепотевъ оказался весьма умѣлымъ исполнителемъ царскихъ приказаній.

«По указу твоему», доносилъ онъ государю изъ Нюхчи, «посланъ я для чистки дорожной», вѣроятно, въ половинѣ іюня или въ началѣ іюля, какъ Мухановъ. «Пристань я сыскавъ измѣрилъ...» Она находилась у усолья Нюхчи, гдѣ нынѣ селеніе Вардегора, у мыса того же имени, еще и теперь извѣстное соляными варницами, и гдѣ въ то время были лишь промысловыя избушки рабочихъ, занимавшихся добываніемъ соли. Въ 70-хъ годахъ (XIX ст.) Максимовъ былъ тутъ, но уже съ трудомъ могъ разсмотрѣть размытую водой груды камней, набросанныхъ на мѣстѣ бывшей пристани.

«Дорогу дѣлаю отъ Нюхацкой волости», — селенія, находящагося въ 15-ти верстахъ отъ Вардегоры, откуда, можетъ быть, уже раньше была проложена дорога нюхчинскими солепромышленниками для своихъ надобностей.

Изъ документовъ того времени подробности, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны, но о сущности дѣла можно судить до нѣкоторой степени по проекту возстановленія Осударевой дороги въ 1821 г.

По случаю ожидавшагося лѣтомъ 1821 г. проѣзда Императора Александра I по кемскимъ болотамъ и повѣнецкимъ лѣсамъ, засѣдатель кемскаго земскаго суда Пономаревъ и повѣнецкій исправникъ Малевинскій, на запросъ военнаго губернатора Клокачева, высказали слѣдующія соображенія о способахъ и средствахъ возстановленія Осударевой дороги.

Дорогу можно провести въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ два «наряда». Первымъ нарядомъ, въ октябрѣ или ноябрѣ, слѣдовательно по первоупутку, заготавливаются лѣса для устройства пристани и мостовъ по болотамъ настилочныхъ («на слегахъ») и чрезъ рѣки на клѣткахъ («рѣжахъ»). «Заготовка состоитъ въ томъ, что рабочій долженъ срубить деревья съ корня и вывозить ихъ... Идутъ на эту работу пѣшіе съ топорами и выѣзжаютъ конные по два человека при одной лошади. Пѣшіе нанимаются собственно на рубку, а конные на рубку и вывозку». По словамъ нюхочскихъ крестьянъ, въ Кемскомъ уѣздѣ близъ дороги лѣсовъ не имѣется и ихъ надо везти за 5—10 и даже за 20—25 версть, почему эта работа была бы сопряжена съ значительными затрудненіями. Въ Повѣнецкомъ же уѣздѣ лѣса много и близко отъ дороги, такъ что въ это же время

предполагалось возможнымъ устроить и мосты чрезъ рѣки. Вторымъ нарядомъ, вѣроятно, лѣтней порой, изъ заготовленныхъ лѣсовъ устраиваются: пристань на берегу Вардегоры, мосты чрезъ рѣки (по Кемскому уѣзду) и по болотамъ, и для проѣзда шести лошадей въ рядъ окончательно вырубается и очищается просѣка шириной 3 саж., — удаляются «насорившей лѣсъ», «мелкій камень», «пень и клочье», засыпается и разравнивается «каменной грунтъ» и т. п.

Для осуществленія этого плана по обоимъ уѣздамъ надо было бы занять:

а) Вырубкой и вывозкой лѣса около 2,800 чел. и 2,800 лошадей, причемъ, хотя по Кемскому уѣзду разстояніе почти втрое меньше, чѣмъ по Повѣнецкому (60 : 160), но рабочихъ и лошадей потребовалось бы въ шесть разъ больше (2,400 : 400).

б) настилкой мостовъ на низкихъ мѣстахъ и расчисткой просѣки около 2,700 чел.

в) Устройствомъ мостовъ на клѣткахъ около 1,900 чел. и 650 лошадей.

Всего же около 7,400—7,500 чел. и 3,450—3,500 лошадей. Исправникъ Малевинскій присовокуплялъ, что силами населенія одного Повѣнецкаго уѣзда невозможно устроить дорогу, ибо «въ составѣ имѣющихся въ уѣздѣ 8,000 душъ состоитъ значительное число престарѣлыхъ, малолѣтнихъ, умершихъ, отданныхъ на службу и находящихся въ отлучкѣ, по паспортамъ; а затѣмъ состоящіе на лицо и имѣющіе не все и малое число лошадей должны имѣть большое время на устроеніе повѣнецкаго почтоваго тракта, который для проѣзду Государя Императора такъ же необходимо нуженъ будетъ, какъ и означенная проселочная дорога».

Какъ увидимъ ниже, безпокойство исправника оказалось напраснымъ; Государь отмѣнилъ свое намѣреніе.

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, при которыхъ по тѣмъ же мѣстамъ была проложена дорога въ 1702 году. Такъ какъ характеръ мѣстности въ 1702 г. былъ такимъ же, какъ и въ 1821 г., то съ большимъ основаніемъ можно полагать, что и *Щепотевымъ* была выполнена та же самая работа, какую предполагалось предпринять въ 1821 году, т. е. 1) Заготовка лѣсовъ для пристани и для мостовъ. Работа эта представлялась особенно трудною въ предѣлахъ нынѣшняго Кемскаго уѣзда, гдѣ рубить и вывозить лѣсъ къ мѣстамъ дороги приходилось среди болотъ и топей за 5—10 и даже за 20—25 вер., притомъ въ лѣтнее

время; 2) вырубка просѣки, устройство мостовъ на клѣткахъ чрезъ рѣки и пристаней у Вардегоры и въ Повѣнцѣ; 3) приведеніе просѣки въ мало-мальски проѣзжій видъ, — окончательная очистка ея отъ мелкаго камня, пенья и клочья и т. п., и главное, настилка мостовъ по болотистымъ и низкимъ мѣстамъ, и кромѣ того 4) заготовка подводъ для перевозки припасовъ отъ Вардегоры и судовъ для доставки войска подъ Нотебургъ.

Все было исполнено чрезвычайно успѣшно. Въ августѣ Щепотевъ доносилъ Государю изъ Повѣнца: «извѣствую тебя, государь, дорога готова и пристань и подводы и суда на Онегѣ готовы... а подводъ собрано по 2-е августа 2,000, а еще будетъ прибавка, а сколько судовъ и какою мѣрою, о томъ послана къ милости твоей роспись съ симъ письмомъ».

Мы не встрѣтимся больше съ расторопнымъ сержантомъ, расскажем поэтому то небольшое, что сохранилось о немъ въ дошедшихъ до насъ актахъ, тѣмъ болѣе, что и это небольшое весьма ярко обрисовываетъ личность «бомбардирскаго урядника», его удивительную отвагу и вѣрность служебному долгу.

Съ небольшимъ чрезъ полгода послѣ похода, въ апрѣлѣ 1703 г. мы видимъ Щепотева въ устьѣ рѣки Невы съ тремя ротами солдатъ. А. Д. Меньшиковъ писалъ Государю, вѣроятно, имѣя въ виду дѣятельность его въ это время: «Михайло Щепотевъ ходилъ къ Канцамъ (нынѣшняя Охта), взялъ въ деревняхъ шведовъ и латышей 54 человекъ да одного богатаго мызника. Шведскіе драгуны выходили изъ Канецъ, но воротились безъ боя. Щепотевъ подошелъ на 100 саж. къ Канцамъ, пальбы не было; наши зажгли въ верстѣ избу и множество собраннаго сѣна, чтобы выманить драгуновъ, но тщетно, шведы не выходили». Сохранились еще свѣдѣнія о геройской смерти Щепотева подъ Выборгомъ, при обстоятельствахъ, приведшихъ въ удивленіе самого Государя, который почтилъ героя вниманіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ.

12-го октября 1706 г. изъ русскаго лагеря подъ Выборгомъ замѣтили нѣсколько шведскихъ торговыхъ кораблей, которые только что вышли въ море. «Ради поиску надъ непріателемъ» рѣшено было отправить за ними М. И. Щопотева да бомбардира Автонома Дубасова съ двумя унтеръ-офицерами и 48 солдатами и «гранодерами». Пока розыскивали лодки да собирались, корабли «пооттянулись далѣе въ море», такъ что, когда смѣльчаки на пяти малыхъ лодкахъ, изъ которыхъ только одна вмѣщала 15 человекъ, а прочія

по 7 и по 5, пустились въ погоню, наступила ночь и на морѣ поднялся туманъ.

Въ темнотѣ горсть храбрецовъ мимо торговыхъ кораблей наѣхала на адмиральскій ботъ «Эспернъ», на которомъ находились 4 пушки и 103 человекъ экипажа при 5 офицерахъ. Тѣмъ не мѣнѣе, ботъ атаковали, экипажъ частью былъ перебитъ, частью загнанъ подъ палубу, гдѣ запертъ и принужденъ сдаться, а ботъ взять. Другой шведскій ботъ, явившійся на перестрѣлку, былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами со взятаго «Эсперна» и прогнанъ. Въ результатѣ шведы потеряли около 80 человекъ убитыми, въ томъ числѣ 2 капитановъ и 2 поручиковъ, и около 25 плѣнными, которые на взятомъ ботѣ были привезены въ Выборгъ оставшимися въ живыхъ участниками смѣлаго нападенія, въ числѣ лишь 18 человекъ: изъ нихъ только 4 совершенно невредимые да столько же съ легкими ранами; остальные замертво лежали на палубѣ съ убитыми, «съ которыми купно и вышереченные господа (Щепотевъ и Дубасовъ) животъ свой скончали». Вѣсть «о таковой неслыханной акціи», въ которой «атаковали и взяли вдвое сильнѣе себя», разнеслась сразу же и произвела сильное впечатлѣніе на Государя. Умѣлъ онъ наказывать, но умѣлъ также и награждать за услуги. И конечно, не остался бы безъ Царской награды подвигъ Щепотева и Дубасова, если бы герои остались живы. Но они сложили въ бою свои головы и не нуждались уже ни въ какихъ наградахъ. Не осталось ничего больше, какъ отдать честь мертвымъ. И вотъ Петръ приказываетъ объявить о подвигѣ Щепотева съ товарищами всѣмъ офицерамъ Преображенскаго полка и вмѣстѣ съ тѣмъ «о нѣкоторомъ чудномъ и никогда слыханномъ партикулярномъ бою на морѣ отъ нашихъ учиненномъ подъ командою господина Щепотева (который съ сею неслыханною славою животъ свой скончалъ)», посылаетъ реляціи цѣлому ряду лицъ: любимцу своему Меньшикову, Головкину, гр. Шереметеву, кн. Рѣпинину, кн. Голицыну, Головину, учителю своему Зотову, Шафирову, гр. Мусину-Пушкину. Но Меньшиковъ, Шереметевъ, Головкинъ и князь Григ. Долгорукій, потому ли, что сами не были свидѣтелями геройскаго подвига Щепотева, потому ли, что больше интересовались собственными успѣхами, или еще почему, — отнесли къ подвигу Щепотева совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ государь: «о Щепотевѣ не надлежитъ много разсуждать, понеже никогда безъ того и не такая игра бываетъ». Сообщая о геройской смерти ихъ Н. М. Зотову, Петръ писалъ: «тѣла ихъ послалъ я къ Петербургу. Изволь тѣхъ съ прочими на

кладбищѣ погреть, съ провожаніемъ одинаго баталіона и о семьхъ приобщить вѣдѣнію вице-адмирала и прочихъ». Согласно волѣ Государя, «въ 20-й день (окт.) привезены тѣла ихъ въ Санктъ-Петербургъ. Въ 21-й день было погребеніе съ пушечною стрѣльбою и изъ мелкаго ружья». Зотовъ доносилъ Петру о погребеніи ихъ въ такихъ выраженіяхъ: «вѣчно достойной, несмертельной памяти непобѣдимыхъ воиновъ, ихъ милостей господъ Щепотева и Дубасова всякія почести годныя (и истинно рещи святыя) тѣлеса погребенію преданы съ подобающею честью... при чемъ и г. вице-адмиралъ былъ же». Къ чести вице-адмирала, иностранца по происхожденію, надо сказать, что къ морскому подвигу русскихъ пѣхотныхъ солдатъ онъ отнесся съ большею справедливостію, нежели его русскіе сослуживцы. Донося отъ себя о погребеніи «добрыхъ воиновъ Щепотева и Дубасова», Крюйсъ поздравлялъ Государя «отъ всего сердца съ такимъ добрымъ военнымъ обмогательствомъ: такихъ случаевъ мало бываетъ и не часто то чинится».

Но возвратимся къ предмету нашей статьи.

16-го августа, вечеромъ, подъ начальствомъ Крюйса, къ усолью Нюхчѣ подошла флотилія изъ нѣсколькихъ кораблей и, по словамъ преданія, записаннаго въ церковномъ памятникѣ села Нюхчи, остановилась частью подъ горою Рислуды, а частью у Вардегоры, куда пристали на малыхъ судахъ, вѣроятно, двухъ малыхъ фрегатахъ, которые предполагалось взять съ собой. Зимой 1702 г. они были заложены на верфи Избранта около Холмогоръ специально для похода и «спущены въ Троицынъ день... имяна: одинъ Св. Духа, на немъ Пампурхъ; другой Куріеръ; на немъ Варлантъ».

У пристани же находились Государь, наследникъ престола царевичъ Алексѣй Петровичъ, многочисленная свита, въ томъ числѣ А. Д. Меньшиковъ, будущій *первый губернаторъ* Олонецкой губерніи, Ѳ. А. Головинъ, оставившій бѣглое замѣчаніе о пройденныхъ мѣстахъ, В. Д. Корчминъ, за два года предъ тѣмъ, въ 1700 г. производившій развѣдки по теченію Невы и около Орѣшка, протоіерей со священникомъ и пѣвчими дьячками, карликъ Ермолай Ивановъ и пять баталіоновъ гвардіи, составлявшихъ слишкомъ 4,000 человекъ; кромѣ того, на берегу рабочіе Щепотева и нанятые имъ подводны.

Никогда—ни прежде, ни послѣ, не видалъ этотъ пустынный берегъ подобнаго оживленія.

Началась разгрузка кораблей и неизбежная въ такихъ случаяхъ суета, въ которой прошла ночь. Утромъ къ пристани при-

Примѣчаніе: карта снята съ двухъ картъ атласа: «Спеціальная карта Европейской Россіи составленная и гравированная въ $\frac{1}{420,000}$ долю настоящей величины въ военно-топографическомъ отдѣлѣ Главнаго Штаба подъ редакціей генеральнаго штаба полковника Стрѣльбицкаго», и нуждается еще въ дополненіи въ отношеніи рѣкъ, чрезъ которыя были устроены мосты или совершены переправы.

Направленіе Осударевой дороги отъ Вардегоры до Возможсалмы, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, указано предположительно пунктиромъ; отъ Возможсалмы же до Поввница—примѣнительно къ тому, которое дано Стрѣльбицкимъ для проселочной дороги и которое почти совершенно совпадаетъ съ указаннымъ у А. И. Иванова.

Водозера не имѣется на картѣ Стрѣльбицкаго и оно нанесено со стѣнной карты, находящейся въ Императорской публичной библиотекѣ.

были архимандритъ съ келаремъ и нѣкоторыми іеромонахами Соловецкаго монастыря и были допущены на корабль, гдѣ удостоились поднести Его Величеству образа свв. Соловецкихъ; Его Величество благодарилъ ихъ за подарокъ, угощеніе и пріемъ въ бытность его въ гостяхъ у чудотворцевъ Зосимы и Савватія, за пріѣздъ ихъ и за гостинець отъ обители, велѣлъ угостить ихъ и одарить, послѣ чего они были отпущены въ обитель.

Разгрузка кораблей между тѣмъ продолжалась и, какъ видно изъ письма Государя къ Б. П. Шереметеву отъ 17-го августа, ея торопились: «мы сколь возможно скоро спѣшить будемъ». Тогда же Государь послалъ извѣщеніе польскому королю Августу II: «мы нынѣ обрѣтаемся близъ границы непріятельскія и намѣрены, конечно, съ Божіею помощію нѣкоторое начинаніе учинить».

Здѣсь было получено донесеніе о побѣдахъ—Б. П. Шереметева надъ Шлиппенбахомъ при Гумоловой мызѣ и П. М. Апраксина надъ Кроніортомъ у Ижоры.

Но окончена и разгрузка кораблей, вытащены изъ воды и яхты, и для удобства перевозки поставлены на полозья вродѣ саней и къ каждой изъ нихъ опредѣлено по 100 лошадей и подводчиковъ и по 100 человекъ пѣшихъ,—все готово къ путешествію.

Зная, что Государя очень беспокоила мысль о благополучномъ исходѣ похода, что важнѣйшіе моменты своей боевой дѣятельности онъ освящалъ молитвой (образъ Нерукотвореннаго Спаса постоянно находился съ нимъ), что, наконецъ, въ его свитѣ было духовенство и пѣвчіе (не безъ цѣли же они были взяты), не ошибемся, предположивъ, что предъ выступленіемъ въ походъ отправлено молебствіе.

Но вотъ началось шествіе. Для удобства передвиженія фрегатовъ, подъ полозья, по преданію, подкладывали катки. «У Нюхчи, а потомъ и вездѣ по ямамъ первую мостовину благословясъ клалъ самъ Осударь, вторую давалъ класть сыну своему возлюбленному, а тамъ и бояръ на это дѣло потреблялъ». Медленно, шагъ за шагомъ, подвигались они впередъ, то оступаясь въ рывины, то утопая въ жидкой болотной грязи. Государь, также, конечно, духовенство и свита, ѣхали въ экипажахъ, по всей вѣроятности, какихъ либо одноколкахъ или таратайкахъ мѣстнаго издѣлія, способныхъ растрясти непривычнаго къ нимъ до послѣдней крайности.

На пути Петръ посѣтилъ село Нюхчу.

Для отдыха и ночевокъ располагались на ямахъ: 1-й за Остручьемъ, 2-й—предъ р. Пермой, 3-й—у р. Пермы, не доходя 8-ми верстъ до деревни Пулозера, 4-й—предъ деревней Вожмосалмой.

Что такое ямъ?

Касательно смысла и происхожденія темнаго слова *ямъ* предложено много объясненій.

Карамзинъ производилъ это слово отъ имени народа яма или еми, обитавшаго отъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера до Двины и вверхъ до Бѣла озера. Гр. Толстой полагалъ, что корень слова *ямъ* скрывается въ словѣ яма—ровъ, межа.

Соловьевъ видитъ его отчасти въ славянскомъ глаголѣ *ѣти* (енти)=брать, откуда отглагол. существ. *ямъ* въ первоначальномъ значеніи, сборъ, поборъ, повинность,—отчасти въ татарскомъ «*ямъ*» въ значеніи дорога, «*ямъ-чи*»—проводникъ, ямщикъ. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія Соловьева г. Гурляндъ заимствуетъ рядъ подобозначущихъ словъ изъ языковъ, родственныхъ татарскому: «дзямъ», монг. дорога; дзямчи—ямщикъ; тюркск. «ямчи» въ первоначальномъ смыслѣ почтовый смотритель; наконецъ, персидское «ямджикъ»—гонецъ. Именемъ *ямъ* у татаръ называлась (заимствованная ими изъ Китая) дань, налагавшаяся на подвластные народы для поддержанія почтовой организаціи въ ордѣ. Съ появленіемъ татаръ на Руси словомъ *ямъ* сталъ обозначаться особый сборъ, который замѣнилъ собою древній «повозъ», упоминаемый еще въ X в., и уплачивался въ орду, какъ откупъ отъ натуральной ямской повинности (Лаппо-Данилевскій).

Съ конца XIII в. словомъ *ямъ* начали обозначать преимущественно подводную повинность, которую население отбывало, доставляя лошадей и вообще средства передвиженія ханскимъ чиновникамъ, пріѣзжавшимъ изъ орды для сбора дани. Эти податныя обязанности позже стали отбываться въ пользу великаго князя московскаго и со времени Іоанна III начали слагаться въ систему, по образцу татарскихъ почтъ: давали подорожныя, лошадей и кормъ не только ямщики, но гдѣ ихъ не было—«всѣ люди безъ омѣны, кто чей ни буди». Съ XV в. *ямомъ* стали называть округъ изъ волостей, деревень, слободъ и сель, приписанный къ *ямскому двору*.

Въ XVII ст., при царѣ Михаилѣ, тѣмъ же словомъ обозначались уже не округа, но ямскіе посады. Со времени царя Алексѣя и учрежденія почты (1664 г.) ямомъ называется почтовая станція. При Петрѣ Великому, съ раздѣленіемъ почты на «нѣмецкую», «купецкую», «заморскую» или *иностранныю* и почту *ямскую*, за ямомъ удержалось значеніе почтовой станціи.

Въ томъ же смыслѣ станціи, остановки, «гдѣ перемѣняли Государю лошадей», принимается слово *ямъ* и для похода Петра Ве-

ликаго въ 1702 г. Родинъ, арх. Игнатій, также А. И. Ивановъ упоминаютъ, что на ямахъ Осударевой дороги «въ особыхъ помѣщеніяхъ, деревянныхъ палаткахъ въ видѣ сараевъ» продавали съѣстные припасы.

По преданію, Государю и приближеннымъ становились зимушки (вродѣ промысловыхъ избушекъ); рабочій людъ располагался отдѣльными кучками,—кто для защиты отъ ночной сырости (была вторая половина августа) на лавасахъ ¹⁾, кто—болѣе счастливые или проворные—вокругъ разведенныхъ огней. Отблескъ костровъ, порой ярко вспыхивавшихъ, освѣщаль на мгновеніе избушки, возы съ провизіей и разными припасами, оставленные въ отдаленіи мрачныя въ темнотѣ массы двухъ фрегатовъ, чернѣвшую издали просѣку и копошившійся тамъ и сямъ рабочій людъ. «Не любилъ Осударь въ зимушкѣ быть, все больше на вольномъ воздухѣ (преданіе)».

Съ наступленіемъ утра работы возобновлялись. Опять, утопая въ грязи, брали грудью каждый шагъ, и для отдыха и для ночлега располагались на ямахъ.

Шли къ заливу Выгозера. Безпрерывныя болота, работа почти все время въ водѣ, при недостаточныхъ согрѣвательныхъ средствахъ,—плохой крестьянской, мокрой и холодной одеждѣ, около костровъ, гдѣ съ одной стороны парило, съ другой—морозило, при ночевкахъ главнымъ образомъ на сырой землѣ, все это, предполагая даже хорошую, безъ дождей и ненастья, погоду, должно было сильно давать себя чувствовать. Неудивительно, если у авторовъ говорится объ изнеможеніи и унынїи, заболѣваніяхъ и смертности отъ истощенія людей и лошадей. Велика была ихъ радость, когда дошли до Выгозера и на берегу увидели деревню. Это была Вожмосалма,—убогая деревушка, въ 94 верстахъ отъ пристани, населеніе которой даже около 1821 г. состояло всего изъ 46 душъ, а въ 1702 г., конечно, тамъ насчитывалось и того меньше. И все-таки это была *деревня*. Послѣ продолжительнаго пребыванія подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ, утомленный народъ могъ, наконецъ, обогрѣться и обсушиться. Здѣсь, по случаю ненастной погоды, былъ данъ день отдыха.

Между тѣмъ, стоустая молва разносила по окрестностямъ неслыханную вѣсть: идетъ Царь со свитой и войскомъ, а вслѣдъ тащить по сухопутью корабли. Всякій хотѣлъ посмотреть на необыч-

¹⁾ Лавасъ—досчатый помостъ на деревѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли; съ него олончане обыкновенно стрѣляютъ въ медвѣдей.

ныхъ путешественниковъ. Явившимся между другими старшинамъ Выгозерскаго погоста (въ 4-хъ верстахъ чрезъ проливъ) Государь подарилъ на церковныя нужды нѣсколько червонцевъ. «Въ толпѣ народа, собравшагося въ Вожмосалмѣ, рассказывается въ преданіи, Царь увидалъ очень бѣдно одѣтаго крестьянина. Жалкое и смиренное лицо его выражало нѣкоторую растерянность и отличало человѣка, пришибленнаго судьбой. При взглядѣ Осударя, онъ низко поклонился, а на ласковый вопросъ его, не потерялъ ли онъ чего, крестьянинъ далъ отвѣтъ, что онъ изъ сосѣдней деревни, у него родился сынъ, надо бы его крестить, а они съ женой люди бѣдные и не могутъ найти кума ни въ своей деревнѣ, ни здѣсь; вездѣ отказываются. Тогда Осударь вызвался самъ быть у него крестнымъ отцомъ, пусть только найдетъ куму побѣднѣе. Отыскалась старуха, жившая подаеніями. Окрестили, а угостить нечѣмъ. Досталъ Осударь фляжку съ анисовкой, налилъ въ серебрянную чарку, самъ выкушалъ, попотчивалъ куму, отца, мать и даже новорожденному влилъ въ ротъ нѣсколько капель, а чарку подарилъ крестьянину на память».

Такъ коротали вѣтреный, дождливый день. Хозяинъ дома, гдѣ помѣщался Государь, получилъ, по преданію, въ подарокъ кафтанъ.

Къ утру дождь прекратился. Чтобы избѣжать 30-ти-верстнаго обхода Выгозера, изъ лодокъ и плотовъ навели чрезъ проливъ плувчій мостъ, по которому и переправились на другую сторону озера. Отсюда, предвидя еще переправу чрезъ р. Выгъ, часть народа, по словамъ А. Г.—ъ, отправили съ лодками по озеру въ устье этой рѣки и вверхъ по теченію ея въ 7-ми верстахъ отъ устья. Остальные съ яхтами двинулись туда же прямымъ путемъ чрезъ лѣса и болота и подъ вечеръ перешли р. Выгъ, гдѣ и расположились на яму (6-мѣ) въ 18-ти верстахъ отъ Вожмосалмы.

Во время дальнѣйшаго пути (Ямы—7-й на берегу р. Муромъ, въ 15-ти верстахъ отъ р. Выга, 8-й у деревни Телекиной, въ 14-ти верстахъ отъ Мурома, 9-й предъ Повѣнцомъ, въ 27-ми верстахъ отъ дер. Телекиной и 17-ти верстахъ отъ Морской Масельги) еще разъ потребовалось сильное напряженіе отъ людей и лошадей, тянувшихъ фрегаты, на крутомъ масельскомъ перевалѣ. Съ переходомъ на южную сторону водораздѣла, самая трудная часть пути осталась позади и переходы послѣ тѣхъ, какіе уже были сдѣланы, не могли казаться особенно изнурительными, тѣмъ болѣе, что идти приходилось по уклону.

Теперь шли въ южномъ направленіи по берегу узкихъ или длинныхъ озеръ къ ручью Водлозерскому и, пересѣкши его на 12-й верстѣ отъ М.-Масельги, — вдоль Узкаго перешейка (шир. около 100 саж.), отдѣляющаго Долгя или Узкя озера отъ Водлозера; спускаясь болѣе по восточному берегу Узкихъ или Долгихъ озеръ въ южномъ же направленіи, къ устью р. Волы, они обогнули его, задавшись на востокъ на 1 версту слишкомъ. При обходѣ затѣмъ озера Долгаго съ южной стороны, принявъ юго-западное направленіе и встрѣтивъ р. Повѣнчанку на 24-й верстѣ отъ М.-Масельги, они съ просьби Щепотева перешли на путь богомольцевъ, ходившихъ въ Соловки, въ разстояніи 10-ти верстъ отъ Повѣнца, куда прибыли въ среду 26-го или въ четвергъ 27-го августа, пройдя въ 10 дней около 185 верстъ. Фрегаты «Св. Духъ» и «Курьеръ» спущены въ Онежское озеро. Радость Государя понятна. Изъ Повѣнца онъ снова извѣстилъ польскаго короля о своемъ мѣстопребываніи и планахъ: «мы нынѣ въ походѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и при помощи Божіей не чаемъ праздны быть». Отсюда же посланъ Рѣпину указъ о сосредоточеніи его отряда подъ Ладогою «безъ замедленія». Не желая и самъ мѣшкать, Петръ двинулся было дальше по Онежскому озеру, но встрѣчный вѣтеръ заставилъ его вернуться отъ островка, получившаго послѣ того названіе Поворотнаго. Вернувшись, Государь, по преданію, отслужилъ молебень въ церкви ап. Петра и Павла, и вѣтеръ утихъ; Царь будто бы шутливо замѣтилъ: «видно, Повѣнецкій Петръ (т. е. апостоль, въ честь котораго построена церковь), сильнѣе Московскаго», послѣ чего безпрепятственно поѣхалъ впередъ къ истоку рѣки Свири и дальше, вѣроятно, съ тѣми, кромѣ свиты, кто могъ помѣститься на двухъ фрегатахъ.

Въ Повѣнцѣ остался Головинъ съ большей частью войска, но и тѣ скоро уѣхали вслѣдъ за Государемъ на судахъ, нанятыхъ Щепотевымъ.

Среди Кемско-Повѣнецкихъ болотъ и топей остались всѣ тѣ, кто не вынесъ трудовъ и лишеній утомительнаго похода. Нѣтъ возможности произвести точный подсчетъ убыли, понесенной населеніемъ въ это время ¹⁾.

¹⁾ Г. Лебедевъ—«Жизнь Петра Вел.» Спб., 1890, 295 — пытается подвести итоги утратъ, понесенныхъ войскомъ во время похода, но не особенно удачно. По его словамъ, изъ 4,000 чел., посаженныхъ въ Архангельскъ на суда, въ строю оказалось только 2,576 чел., а 1,424 остались въ болотахъ. Но цифра павшихъ заимствована имъ изъ «перечневой вѣдомости (Устрял. IV, 198)» и

Остается удовольствоваться указаніемъ преданія: «не мало погибло здѣсь народу во время этой трудной работы, въ результатѣ которой государству достался Шлиссельбургъ, а «симъ ключемъ много замковъ отперто» (слова Государя), — и первый замокъ съ Балтійскаго моря, открывшагося для русскихъ съ основаніемъ Петербурга весной слѣдующаго 1703 года.

Бѣломорско-Онежскому краю и Кемско-Повѣнецкому населенію осталась въ наслѣдство новая дорога, на дальнѣйшую судьбу которой мы и бросимъ сейчасъ прощальный взглядъ.

Явившаяся въ результатѣ несокрушимой энергіи Царя Петра и удивительной выносливости русскаго мужика, Осударева дорога послѣ похода 1702 г. и взятія Петербурга не была заброшена.

Крестьяне Соловецкаго монастыря, Сумскаго острога и Кемскаго городка, которые принимали участіе въ проведеніи ея, вновь продолжали съ лошадьми ту же работу до зимы, послѣ чего дорога стала служить потребностямъ того времени.

Въ 1703 г., послѣ переправы на корабляхъ изъ Архангельска до Нюхоцкой пристани, по дорогѣ прошелъ полкъ солдатъ.

Въ сентябрѣ 1705 г. вице-комендантъ Олонецкаго уѣзда Чоголовъ, жившій въ Петровскомъ заводѣ, представлялъ на усмотрѣніе своего начальника, коменданта края, жившаго на Лодейнопольской верфи, Ивана Яковлевича Яковлева: «по письму отъ г. губернатора (А. Д. Меншикова) велѣно еще въ Поморьѣ построить желѣзные заводы, поморскимъ и инымъ крестьянамъ, а поморскихъ крестьянъ іюля съ 7-го числа собраны и стоятъ всѣ въ Нюхчѣ съ 300 подводъ съ людьми, а сказываютъ, что подъ корабельные припасы, а подъ иныхъ посланныхъ ни подъ кого изъ тѣхъ подводъ не даютъ, а емлютъ съ нихъ же сверхъ тѣхъ инья подводы. И я затѣмъ, подводъ имать съ нихъ не смѣю, а строенія остановить не смѣю жъ, и желаю о томъ отъ милости твоей повелѣнія».

Съ подобнымъ же представленіемъ въ слѣдующемъ 1706 году, комендантъ Яковлевъ входилъ къ Государю: «тѣ всѣ припасы («ко-

явилась въ результатѣ подсчета, произведеннаго послѣ штурма Нотебурга. И не безъ основанія г. Кротковъ, повторяя въ своей работѣ «Взят. Нотеб.», прил. X, 203, эту цифру, въ примѣчаніи сомнѣвается въ ея точности.

рабельные припасы, которые по подряду Москвитину Ивану Стрѣшневу велѣно вывезть къ городу Архангельскому изъ-за моря въ нынѣшнемъ году вешними кораблями») долѣтъ отвезть кораблемъ до Нюхчи, или усмотря ежели путь, надлежитъ лучше отъ города черезъ Каргополь ¹⁾, и отсель черезъ Нюхчу, дабы перевезть на подводахъ Олонецкаго уѣзда погосты, которые вѣдомы къ заводамъ желѣзнымъ». На докладѣ послѣдовала резолюція Государя: «ежели понадобится, дать корабль», съ тѣмъ, конечно, чтобы везти припасы «моремъ до Нюхчи и отсель на подводахъ Олонецкаго уѣзда».

Въ 1714 г. архангельскій вице-губернаторъ Лодыженскій доносилъ государю: «по посылкѣ отъ города Архангельскаго привезено іюля 28-го дня посланныхъ съ Петровскихъ заводовъ 20 пушекъ 12-ти-фунтовыхъ, которыя до присланнаго В. В. указу лежали въ Нюхоцкой пристани».

Въ слѣдующемъ 1715 году, Геннинъ, жившій на Петровскомъ заводѣ, въ письмѣ отъ 2-го марта, спрашивалъ у ген.-адм. Ѳ. М. Апраксина: «велятъ ли пушки отправить 12-ти-фунт. старыя Чоголокова (предшеств. Геннина) литья въ Нюхчу или нѣтъ? — разумѣется, для дальнѣйшей перевозки моремъ въ Архангельскъ».

Совсѣмъ иного рода свидѣтельство оставилъ авторъ изданныхъ Новиковымъ Новодвинскихъ записокъ, писавшій спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Ништадскаго мира или со словъ современника, или даже современникъ, видѣвшій лучшіе дни дороги, отчего свидѣтельство его только выигрываетъ: «нынѣ оная дорога за давностью времени вся заустѣла и лѣсомъ проросла и мосты всѣ огнили, понеже ѣздоковъ чрезъ то мѣсто никого и никогда не бываетъ и не точію лѣтомъ, но и зимою не ѣздятъ и дороги никакой не имѣется».

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что послѣ похода 1702 г. въ продолженіе шведской войны по Осударевой дорогѣ какъ зимой, такъ и лѣтомъ, пересылались отряды войскъ и перевозились военные припасы, главнымъ образомъ пушки, изъ Олонецкаго края въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Петербургъ. Но затѣмъ «дорога заустѣла и лѣсомъ проросла»; иными сло-

¹⁾ Этимъ путемъ зимой 1707 года везли пушки на уѣздныхъ подводахъ: до Каргополя на двинскихъ, а отъ Каргополя до Вытегры на каргопольскихъ; а съ Вытегры тѣ пушки по первой половѣ водѣ на судахъ.

вами, ее забросили и она окончила свое существованіе, не переживъ и одного поколѣнія. По словамъ простодушнаго двинскаго лѣтописца, это случилось «за давностью времени». Однако дорога стояла двадцать лѣтъ; если бы оказалась надобность, простояла бы и втрое дольше. Если же она пала, то не почему другому, какъ только потому, что «ѣздоковъ чрезъ то мѣсто никого и никогда не бываетъ», проще сказать, за ненадобностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надолго забывается и самая идея соединенія Бѣломорья съ Балтикой. Только въ концѣ XVIII ст. она вторично начинаетъ выступать въ рядѣ проектовъ и чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе.

Не касаясь другихъ проектовъ, ставшихъ уже достояніемъ современной литературы, рассмотримъ здѣсь одинъ малоизвѣстный проектъ возстановленія Осударевой дороги въ 1821 г.

Совершая лѣтомъ 1819 г. поѣздку по сѣверу Россіи, Императоръ Александръ I въ концѣ іюля прибылъ въ Архангельскъ. Осматривая достопримѣчательности города и среди нихъ нѣкоторыя мѣста, ознаменованныя пребываніемъ Петра Великаго, впечатлительный Государь особенно заинтересовался рассказомъ о героическомъ походѣ Петра I отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру по кемско-повѣнецкимъ дебрямъ и, какъ видно, сильно увлекся заманчивою мыслью провести нѣсколько дней среди тѣхъ же самыхъ болотъ, лѣсовъ и топей. Оставляя Архангельскъ, Благословенный обѣщалъ посѣтить его снова черезъ два года съ тѣмъ, чтобы обратный путь совершить по мѣстамъ, гдѣ въ 1702 г. шельсь кораблями и войскомъ Великій Петръ. Однако непредвидѣнные обстоятельства дали намѣреніямъ Императора другое направленіе. Съ іюля 1820 г. Онъ предпринялъ путешествіе по центральной и южной Россіи, а вслѣдъ затѣмъ чрезъ Варшаву выѣхалъ за границу и принялъ участіе въ засѣданіяхъ конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ. Лишь 1-го мая 1821 г. Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ Лайбаха и 24-го мая прибылъ въ Царское село. «Послѣ продолжительнаго пребыванія за-границей, вызваннаго двумя конгрессами, Государь не предпринялъ въ 1821 г. вошедшаго въ обыкновеніе объѣзда какихъ-либо областей имперіи и ограничился посѣщеніемъ Грузина (25-го іюня) и осеннимъ смотромъ гвардейскаго корпуса въ Бѣлоруссіи. 12-го сентября Государь отправился въ Витебскъ».

Такимъ образомъ, предположенная поѣздка въ Архангельскъ

не состоялась. Но въ концѣ 1820 г. и началѣ 1821 г. объ этомъ не могло быть извѣстно подлежащему начальству, которое непосредственно отъ самого Государя слышало обѣщаніе приѣхать на сѣверъ и считало себя обязаннымъ приготовиться къ нему. И вотъ, въ то самое время, когда Александръ I засѣдалъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, среди занятій гораздо болѣе серьезнаго свойства, нежели мирное путешествіе по сѣверу Россіи,—въ это самое время между заинтересованными представителями администраціи края началась оживленная переписка. Обсуждался вопросъ о предпріятіи, обременительность котораго для мѣстнаго населенія не могла подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію. Рѣчь шла,—ни много, ни мало—о восстановленіи Осударевой дороги на всемъ ея протяженіи по кемско-повѣнецкимъ болотамъ и лѣсамъ съ тою цѣлью, чтобы доставить Государю возможность проѣзда по ней.

Надобно знать, что въ 20-хъ годахъ XIX ст., Архангельская, Олонецкая и Вологодская губ. находились въ вѣдѣніи военного губернатора, жившаго въ Архангельскѣ и, такъ какъ дорога Осударева пролегла въ предѣлахъ двухъ губерній — Архангельской (Кемск. у.) и Олонецкой (Повѣн. у.), то по вопросу о ея восстановленіи тогдашній военный губернаторъ Клокачевъ началъ переписку.

31-го декабря (1820 г.) Олонецкому губернскому правленію предложено предписать Повѣнецкому земскому суду нынѣ же поручить повѣнецкому исправнику проѣхать Петровской дорогой и сдѣлать опись, чрезъ какія именно мѣста и селенія она лежитъ и гдѣ граничить съ Архангельской губ., а у жителей разспросить, каково положеніе ея въ лѣтнее время, и о результатахъ розысканій увѣдомить безотлагательно. Исполняя предписаніе, Олонецкое губ. правленіе 5-го января (1821 года) отправило указъ въ Повѣнецкъ. Оттуда былъ командированъ на мѣсто исправникъ Малевинскій. На пути, которымъ онъ ѣхалъ отъ Повѣнца, все лежало подъ снѣгомъ и увидеть какіе-либо слѣды дороги было невозможно. Оставалась надежда на мѣстныхъ крестьянъ. 14-го января мы видимъ исправника въ Выгозерскомъ погостѣ. Изъ разныхъ его деревень и, конечно, изъ Масельги, Телекиной, Вожмосалмы и Пулозера, ближайшихъ къ мѣсту похода, были собраны мужики. На вопросы о состояніи дороги въ лѣтнее время они отвѣтили довольно точно: «дорога плоха, на лошадахъ ни зимой, ни лѣтомъ проѣзду нѣту, пѣшеходы ходятъ только лѣтомъ, въ сухое время, и

то по самой крайней нуждѣ». Отвѣтъ давался по памяти и носить общій характеръ. Между тѣмъ, представленное исправникомъ описаніе производитъ впечатлѣніе непосредственнаго осмотра: тутъ — «топь», тамъ — «твердый грунтъ», здѣсь — «каменный грунтъ, нужно засыпать и разровнять», — и вездѣ указаны версты и даже сажени, гдѣ и сколько. Ничего этого не могли видѣть ни крестьяне, ни самъ исправникъ. Довольно точный отвѣтъ послѣдовалъ и на дальнѣйшій вопросъ его о разстояніяхъ между деревнями. Запомнимъ здѣсь, что между Повѣнцомъ и Телекиной чрезъ Волозеро и Масельгу крестьяне считали 48 верстъ. Когда же зашла рѣчь о ремонтѣ: мостахъ чрезъ болота, топи и рѣки, гдѣ и сколько ихъ выстроить, сколько понадобится лѣсу на это и т. п. — то крестьяне откровенно сознались: «по выпавшему нынѣ большому снѣгу узнать и удостовѣрить никакъ не можно, да и за неимѣніемъ въ нынѣшнее время по той дорогѣ слѣду, указать оной не можно». Такимъ образомъ, въ пунктѣ о ремонтѣ, самомъ важномъ, исправникъ потерпѣлъ неудачу. Что дѣлать?..

Прошло двѣ недѣли. 30-го января исправникъ снова бесѣдуетъ съ крестьянами по тому же вопросу. На этотъ разъ отвѣтъ ихъ замѣчательнѣе: «дѣйствительно», говорятъ они: «на пространствѣ, ими показанномъ (между Телекиной и Повѣнцомъ), должно быть топкихъ и болотныхъ мѣстъ 9 вер. 62 саж. и суходолу 42 вер. 373 саж. (Всего 51 вер. 435 саж.)». Обращаетъ на себя вниманіе точность показанія: счетъ ведется не только по верстамъ, но уже и по сажени. А между тѣмъ, всего какихъ-нибудь двѣ недѣли тому назадъ крестьяне отказались указать даже слѣдъ дороги. Нѣтъ надобности доказывать — очевидно само собой, — что новыя цифры съ саженими, идущія притомъ въ разрѣзъ съ прежними — отъ 14-го января — 48 вер., не принадлежатъ крестьянамъ: откуда они могли ихъ взять, съ подраздѣленіемъ кромѣ того на топи и суходолъ? Но невозможно также видѣть тутъ и плоды фантазіи самого исправника. Рисковано было фантазировать на практическую тему генераль-губернатора, данную по именному повелѣнію Его Величества. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что данныя описанія отвѣчаютъ дѣйствительности. Наконецъ, не менѣе ясно также, что не причемъ здѣсь и его «личное обозрѣніе». Кромѣ того, что исправникъ могъ обозрѣть лишь снѣжную пелену, подъ которой лежало все то, что для него было важно, — и самая быстрота представленія данныхъ говорила противъ него. Еще 30-го января онъ опрашиваетъ выгозерскихъ

крестьянъ. А уже 15-го февраля Олонецкое губернское правленіе препровождаетъ готовое описаніе генераль-губернатору въ Архангельскъ. Значитъ, описаніе (по Олонецкой губ.) на протяженіи 160 вер., при томъ по саженьямъ, должно было быть составлено меньше, чѣмъ въ двѣ недѣли (почтовая пересылка изъ Повѣнца въ Петрозаводскъ должна была отнять дня два—три).

Но въ такомъ случаѣ откуда добыты представленныя имъ въ Архангельскъ свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, мы можемъ объ этомъ лишь догадываться. Не добившись толку отъ крестьянъ выгозерскихъ 14-го января, исправникъ, въ отчаяніи отъ неудачи, думается намъ, повернулъ въ Повѣнецъ. Едва ли когда раньше или позже произошло ему переживать подобную тревогу. Высочайшее повелѣніе... строжайшее взысканіе... можетъ быть, потеря мѣста... носилось въ его головѣ. Вотъ тутъ - то — подсказалъ ли ему кто изъ знакомыхъ старожиловъ, или онъ сообразилъ самостоятельно, но тутъ у него мелькнула мысль обратиться къ архиву Повѣнецкой городской ратуши и слабая надежда найти тамъ что-либо по мучившему его вопросу. Поиски подневольнаго изслѣдователя увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ: ему попало подъ руку какое-либо старое описаніе—или Осударевой дороги, или мѣстностей, къ ней прилегающихъ.

Мигомъ списавъ, что ему было нужно, счастливый исправникъ полетѣлъ обратно въ выгозерскій погостъ «для провѣрки». Собравъ крестьянъ (30-го января) и развернувъ готовое уже описаніе, онъ между прочимъ прочелъ имъ и это мѣсто:

Суходолу: Повѣнецъ-Волозеро	16 вер.	463 вер.
Волозеро-Масельга	18 »	50 »
Масельга-Телекина	7 »	360 »
<hr/>		
Итого Повѣнецъ-Телекина	42 вер.	373 саж.

И на вопросъ исправника: «такъ, что-ли?» — крестьяне, почесывая въ затылкѣ и рѣшивъ, что «начальство лучше знаетъ», — отвѣчаютъ: «дѣйствительно, на пространствѣ, ими показанномъ, должно быть» и пр.

Итакъ, несомнѣнно, внезапная точность новаго показанія под-сказана крестьянамъ исправникомъ, безъ содѣйствія котораго не обошлось, надо думать и при составленіи описанія дороги въ предѣлахъ Кемскаго уѣзда.

Скажемъ и о немъ нѣсколько словъ.

Предложеніе «учинить описаніе дороги, по коей Государь Импе-

раторъ Петръ Великій изволилъ путешествовать, подобное тому, какое получено отъ Олонецкаго губернскаго правленія», 28-го февраля поступило въ Архангельское губернское правленіе. Последнее препроводило бумагу въ Кемскій земскій судъ, а по предписанію его осматривалъ дорогу и опрашивалъ крестьянъ на мѣстѣ 30 марта засѣдатель суда Пономаревъ. Точно такъ же, какъ выгозерскіе крестьяне повѣнецкому исправнику, — и кемскому засѣдателю по-хожіе мужики дали показаніе общаго свойства. Засѣдатель оказался въ положеніи исправника: онъ одинаково не могъ ѣхать по той дорогѣ въ мартѣ или апрѣлѣ, а если бы и отправился, то ничего бы не увидалъ, кромѣ снѣга. За всѣмъ тѣмъ, описаніе, на протяженіи 60 вер. и тоже по саженьямъ было составлено и уже 14-го мая Архангельскимъ губернскимъ правленіемъ отправлено къ генераль-губернатору.

Опять является тотъ же вопросъ: что легло въ его основу? И опять мы можемъ лишь предполагать, что у засѣдателя кемскаго суда былъ подъ руками какой-либо неизвѣстный намъ источникъ, можетъ быть, свой мѣстный, а можетъ быть, тотъ же самый, которымъ пользовался исправникъ Малевинскій. Весьма цѣнное въ этомъ отношеніи сообщеніе находимъ у Дашкова. По его словамъ, топографическое описаніе гор. Повѣнца, составленное въ 1797 г. городской думой, было отослано въ Архангельское губернское правленіе, но когда и по какому поводу, не говоритъ. Весьма вѣроятно, что повѣнецкій исправникъ услужливо снабдилъ имъ находившагося въ одинаковомъ съ нимъ затрудненіи кемскаго засѣдателя.

Остальныя предположенія о соединеніи Бѣломорья съ Балтикой, если исключить проектъ 1787 г., когда этимъ вопросомъ занималось почтовое вѣдомство для своихъ цѣлей, возникали на *экономической* почвѣ.

«Начиная съ 1830 г. не проходило 2-хъ, 3-хъ лѣтъ, чтобы не поступали къ начальству: или заявленія о необходимости соединенія Бѣлаго моря и Онежскаго озера въ видѣ проектовъ или ходатайства объ этомъ мѣстныхъ жителей и властей».

Тѣ же соображенія легли въ основаніе и предположеннаго къ осуществленію въ самый непродолжительный срокъ послѣдняго проекта желѣзно-дорожнаго сообщенія Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, въ которомъ получить окончательное и, надо думать, наиболѣе совершенное выраженіе идея, въ первый разъ приведенная

въ исполненіе, въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ 200 лѣтъ тому назадъ.

И если въ то время, при всей примитивности своего устройства Осударева дорога удовлетворяла потребностямъ времени, то должно ожидать, что и новая Осударева дорога оправдаетъ тѣ надежды которыя возлагаютъ на нее государство и бѣломорско - онежскій край.

В. Мегорскій.

